

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ДОГМАТИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ (К ИСТОРИИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ)

© 2015 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Аннотация: в статье рассматривается теоретическая дискуссия между русскими юристами-социологами и юристами-догматиками, имевшая место в конце XIX – начале XX в. Детально анализируются различия между догматической и фундаментальной юриспруденцией, приводятся аргументы обеих сторон.

Annotation: the article considers the theoretical discussion between the Russian lawyers-sociologists and lawyers-dogmatic, that took place in the late XIX – early XX century. Detailed analysis of the differences between dogmatic and the fundamental law, the arguments are of both sides.

Ключевые слова: социология права, юридическая догматика, юридическая наука, С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров, С.В. Пахман, А.Х. Гольмстен, Г.Ф. Шершеневич.

Key words: sociology of law, legal dogmatics, legal science, S.A. Muromtsev, Yu.S. Gamberov, S.V. Pakhman, A.H. Holsten, G.F. Shershenevich.

Проникновение социологии в догматическую юриспруденцию привело на рубеже XIX–XX вв. к острой полемике между юристами-социологами (С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров, Н.А. Гредескул, М.Н. Гернет, Л.И. Петражицкий) и юристами-догматиками (С.В. Пахман, А.Х. Гольмстен, Г.Ф. Шершеневич²). В центре дискуссии был вопрос о научном статусе юридической догматики – теоретической основе отраслевой юриспруденции. Первыми в наступление пошли юристы-социологи во главе с С.А. Муромцевым, отказавшими догматической юриспруденции называться наукой. За схоластику и оторванность от жизни юристы-социологи часто презрительно называли ее искусством. Юристы-догматики вызов приняли и попытались доказать обратное: догма права – это полноценная наука. Дискуссия оказалась весьма полезной, поскольку подняла принципиальные вопросы истории, теории и методологии как фундаментальной, так и догматической юриспруденции, обозначила возможности применения социологии в юриспруденции. В конечном счете полемика заметно расширила рамки теории юридической науки, подняла ее на новый уровень, еще раз доказав зрелый и вполне самостоятельный характер отечественной юриспруденции.

Юристы-социологи: “догматика – искусство, а не наука”

Свою критику юристы-социологи обычно начинали с признания высокой практической ценности юридической догматики, которая, с их точки зрения, давала формальные, точные критерии права и правонарушения, создавала конструкции, позволявшие устанавливать и поддерживать твердый, эффективно функционирующий правопорядок. Формально-догматический метод, отмечал Л.И. Петражицкий, в полной мере соответствует высокой задаче и существу юриспруденции. «Если бы юристы, – продолжает он, – оставили твердую почву положительного права и стали “свободно” относиться к источникам, то вместо прочного и солидного фундамента для правовой жизни народа, каковым должна быть юриспруденция, появилась бы башня вавилонская, которая бы неминуемо должна была рухнуть. Вместо закона появился бы произвол, вместо спокойной уверенности граждан, что их жизни, свободе и хозяйственной деятельности под охраной права не угрожает никакой опасности, лишь бы они поступали сообразно с нормами права, появились бы страх и апатия, уничтожение всякой предприимчивости, нежелание сообразоваться с правом, которое сегодня толкуется так, а завтра иначе, в одном суде так, а в другом иначе»³. “Догмати-

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук (E-mail: pifagor2002@mail.ru).

² См.: Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 228–235.

³ Петражицкий Л.И. Введение в науку политики права // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избр. труды. СПб., 2010. С. 29.

ческая система, – дополняет Н.А. Гредескул, – капитализирует и вмещает в себе все результаты той умственной работы, какую нам приходится производить при практическом применении права к жизни, она дает нам возможность не проделывать множество раз и напрасно того, что уже раз было сделано и, таким образом, облегчает нам всякое последующее применение и распознавание права. Догматическая система в юриспруденции, так же как и всякая другая научная система, служит для нас настоящим духовным капиталом, который выгодно отличается от материального капитала только тем, что при употреблении его в дело он не только не тратится, но даже постоянно возрастает. Владея такой системой, мы как бы владеем могучим орудием, тысячекратно облегчающим и сокращающим для нас ту умственную работу, какая требуется для практического применения права к жизни”⁴.

Римское право и его следствие – рецепированная догматика – приобрели к XIX в. непререкаемый авторитет, стали теоретическим фундаментом прикладной юриспруденции. В Германии римское право и современная догматическая юриспруденция воспринимались как единое целое, как две стадии единого процесса формирования европейской юридико-догматической культуры. В России в среде юристов-догматиков понимание было примерно таким же: современная догматика есть естественное продолжение римского права, классические и непререкаемые формулы римского права обеспечивали догматической юриспруденции прочность и стабильность. Россия не переживала рецепции римского права, она приняла европейскую юридическую догматику уже в готовом виде, но от этого значимость римского права для русских юристов не снижалась. Юристы-социологи (прежде всего цивилисты), в полной мере осознавая роль римского права в деле формирования современной догматики, стремились дать этому процессу историческое и социологическое толкование. Следуя Р. Иерингу, С.А. Муромцев и Ю.С. Гамбаров пытались показать связь непререкаемых формул римских юристов с вполне обыденными житейскими отношениями. Таким способом они хотели не столько разрушить авторитет римского права, сколько противопоставить его рецепированной догматике.

Римское право, по Ю.С. Гамбарову, меньше всего представляет собой теоретические исследования, оно суть набор казуистических решений.

“Создание римских юристов, – пишет он, – было чисто практическое, исходившее из наблюдения жизни, строившее юридические понятия на элементах этой жизни и направленное на удовлетворение ее запросов средствами существующего права. Это была техника права, не известная до римлян ни одному народу и стоявшая в тесной связи с их общественной и государственной организацией, основанной на строгой законности и ранней специализации юридического мышления... Вот этот практический смысл, находивший свое выражение в самых разнообразных приемах юридической техники, вместе с живой юридической казуистикой, стремившейся обнять, не переходя в схоластику, все богатство действительной жизни, и составляют настоящую силу римской юриспруденции, достаточно объясняющую и производимое ею до наших дней обаяние”⁵.

В отличие от римлян, продолжает Ю.С. Гамбаров, народы Западной Европы вместо живой юриспруденции создали юридическую схоластику, отрешенную от действительности и замкнутую в своих мертвых формулах. “Это – воскрешение средневекового реализма, наделяющее отвлеченные понятия, по существу своему субъективные и не имеющие иного значения, кроме временного, объективной и постоянной реальностью. Все право сводится к известному числу предопределенных, непоколебимых и неизменных логических категорий, которые нельзя ни устранить, ни приспособить к постоянно изменяющимся потребностям жизни. С одной стороны, абсолютное объективирование логических понятий, с другой – априорное объединение их с ограниченным числом юридических категорий, оторванных от своего содержания и чуждых всякой жизненности”⁶. Юридическая догматика, по Гамбарову, олицетворяет собой метафизическую стадию философии истории О. Конта, когда на место личного божества становятся абстрактные понятия, “метафизические сущности”, пребывающие вне условий времени, пространства и причинности. Метафизическая стадия в юриспруденции враждебна научному познанию: вместо объективного изучения правовых явлений предлагается слепая вера в догмы права. В этом отношении юридическая догматика тесно связана со средневековой схоластикой. Во-первых, юридическую догматику и схоластику разрабатывал один и тот же слой людей – духовенство. Во-вторых, юристы и схоласты черпали свои знания из одного источника – канонического права.

⁴ Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Харьков, 1900. С. 192.

⁵ Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 113.

⁶ Там же. С. 6.

нического права, что прививало им веру в авторитет как главный способ доказывания. В-третьих, формальная логика Аристотеля, подчиненная авторитету Библии, привела к созданию в теологии и юриспруденции самозамкнутого понятийного аппарата, оторванного от действительности. В итоге, заключает Ю.С. Гамбаров, Западная Европа получила крайне формализованную юриспруденцию, опирающуюся на авторитет римского права, но противостоящего ему по своему духу⁷.

Появление позитивистской философии и социологии резко оттенило специфику традиционного догматического исследования права, что создавало условия для его массивной критики со стороны юристов-социологов. Различия между догматическим и социологическим подходами к изучению права были настолько очевидными, что появление темы о якобы псевдонаучном характере догматической юриспруденции выглядело вполне естественным. Дискуссия приняла форму противопоставления фундаментальной науки и прикладной (“искусства”, по терминологии юристов-социологов). Как верно заметил Н.А. Гредескул, различие между наукой и искусством (прикладной наукой) установил еще О. Конт: искусство направлено на изменение действительности и оперирует категорией должного, наука беспристрастно изучает действительность⁸. В отечественной литературе данную проблему первым поднял В.И. Сергеевич, поддержав разделение науки на чистую (собственно науку) и прикладную. Такое деление в общественной науке, с его точки зрения, стало возможным благодаря появлению позитивизма и социологии, цель которой – выявление законов общества, в том числе в сфере государства и права. Только став частью социологии, утверждал он, юриспруденция может превратиться в подлинную науку. При этом В.И. Сергеевич не умалял значение догмы права, он лишь утверждал, что юриспруденция, приняв социологический характер, естественным образом распадется на теоретическую и прикладную части, которые будут взаимно дополнять друг друга⁹.

Если В.И. Сергеевич в своем обосновании контровской классификации только наметил слабые стороны классической догмы права, то С.А. Муромцев и Ю.С. Гамбаров, разделив юриспруденцию на теоретическую и прикладную, ставили целью коренную ломку юридической догматики. Они намеренно сталкивали теоретическую и при-

кладную юриспруденцию, стремясь представить их различия как можно острее и резче, как острый конфликт между новым и старым правоведением, требующим своего разрешения на почве социологии. Догматическая юриспруденция должна была, по их мысли, перестроиться на основе социологии и дополнить собой теоретическую науку, а вся юриспруденция должна была стать частью социологии. У других юристов-социологов требования к догматической юриспруденции хотя и не были столь категоричны, но критика формально-догматического метода звучала довольно сильно. Даже во взглядах Муромцева и Гамбарова была заметная разница. Так, если Муромцев отказывал догме права во всякой научности, называя ее искусством, то Гамбаров считал юридическую догматику вполне научной дисциплиной, но ограниченной в силу ее оторванности от фундаментальной юриспруденции (философии права, истории права, социологии права, сравнительного правоведения). И теоретическая, и прикладная части юриспруденции, рассуждал он, в конечном счете подчинены практике, удовлетворению человеческих потребностей. Практика предшествует теории, которая, в свою очередь, продолжает практику и имеет ее своей целью. Догма права – та же практика, потребовавшая на определенном этапе своего развития теории в лице фундаментальной юриспруденции, которая появляется лишь для того, чтобы, обогатив догму права, служить практике. “Теория отделяется от практики лишь временно и лишь для того, чтобы в конце концов слиться с ней”¹⁰. Иными словами, догма права и теория права должны слиться, чтобы служить потребностям человека.

Гамбаров так обобщил претензии к современной догме права: «Ее характеризуют следующие черты: 1) “самоограничение” рамками действующего законодательства или, вместе с ним, и других только формально признанных источников права; 2) применение априорной методы и злоупотребление логическими категориями; 3) оторванность от всего, кроме формы права и ее состояний в прошлом; 4) стремление удержать во что бы ни стало то, что существует, как бы это существующее ни дисгармонировало с новыми отношениями и запросами жизни; и наконец, 5) полное безразличие к своему собственному содержанию и преобразованию в будущем»¹¹. Таким образом критический анализ различий между теоретическим и прикладным правоведением шел по нескольким направлениям: по предмету

⁷ См.: там же. С. 112–114, 124, 125, 131, 132.

⁸ См.: Гредескул Н.А. Указ. соч. С. 182.

⁹ См.: Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук. М., 2010. С. 43–46, 190.

¹⁰ Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 177, 178.

¹¹ Там же. С. 20.

исследования, по методам исследования, по отношению к власти и господствующей идеологии.

Юристы-социологи точно установили различия в предмете социологии права и догмы права. Социология, утверждали они, изучает право и государство как социальные явления, возникающие и существующие в силу естественного хода вещей. Государство и право возникают и развиваются как следствие объективных факторов, влияющих на общество. Объективные условия среды, где функционируют политико-правовые институты, рождают некие закономерности, которые призваны выявлять и изучать социология права. Совсем другое дело, рассуждали юристы-социологи, — нормы позитивного права. Они также представляют собой некую эмпирическую реальность, доступную для опытного исследования, но природа этой реальности принципиально иная. Если право как социальное явление отличается естественностью и спонтанностью происхождения и функционирования, то право как совокупность позитивных норм рукотворно, искусственно. Позитивное право — это мир искусственно созданных юридических конструкций, относящихся не к жизни, не к действительности, а к сфере мысли, к логике. Позитивное право есть мир должностования, где власть волевым образом устанавливает нормы должного поведения. «Данность норм положительного права и юридических институтов, — разъясняет позицию социологов Н.Н. Алексеев, — есть данность известного человеческого установления, принятого при одних условиях и могущего быть измененным и отмененным при других. Данность эта гораздо менее “естественна”, менее необходима и потому гораздо более лежит в области действия человеческой воли. Поэтому и все наблюдения этой данности имеют всегда очень условный характер... Сообразно одним установлениям источниками права могут быть обычай, закон, прецедент; другие установления могут считать источником права судебную практику, мнения юристов и проч. Одни источники устанавливают, что субъектом права являются все люди, другие — считают субъектами права только некоторых людей»¹². Осознание такой особенности юридической догматики, делает вывод юрист, не может не привести к сомнениям относительности ценности этой науки: «Не является ли она наукой о “юридическом словоупотреблении”, наукой, следовательно, номинальной, словесной?»¹³.

¹² Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 21, 22.

¹³ Там же. С. 23.

Признание относительности права как социального явления (в отличие от догматического подхода), по Н.М. Коркунову, существенно расширяет предмет юридической науки: “Будучи явлением, право изменчиво, зависимо от условий времени и места. Самое различие правого и неправого, подобно различию положительной и отрицательной квалификации всякого явления, подобно различию тепла и холода, тяжелого и легкого и т.п., обусловлено нашим субъективным отношением. Одно и то же разграничение интересов в зависимости от субъективного отношения может быть признаваемо то правым, справедливым, то неправым, несправедливым. Если так, то и круг явлений, составляющих предмет науки права, определяется не противоположением правого неправому, а противоположением всех явлений, допускающих юридическую квалификацию, положительную или отрицательную, все равно, тем явлениям, к которым она вовсе неприменима, которые вовсе не могут быть определены ни как правые, ни как неправые”¹⁴, т.е. наряду с правом должно изучаться и неправое, которое вполне может стать или было правом. Иначе говоря, Н.М. Коркунов здесь косвенным образом формулирует один из базовых тезисов социологической школы права: правом следует признать те нормы, которые способны фактически регулировать общественные отношения, а не только установленные государством и официально считающиеся правом.

Русские юристы-социологи, указав на рукотворный, искусственный характер позитивного права, одними из первых дали системную критику так называемой аналитической юриспруденции, “юриспруденции понятий” (по определению Р. Иеринга). Аналитическая юриспруденция достигает своего расцвета в XX в., когда юристы получают в свои руки богатый и разнообразный инструментарий неопозитивистской философии. Но уже на рубеже XIX–XX вв. благодаря работам Дж. Остина, К. Гербера, П. Лабанда, К. Бергбома, Г. Еллинека достаточно определенно проявила себя логика применения формально-догматического метода, на что и обратили внимание русские юристы-социологи. Так, Б.А. Кистяковский критиковал Г. Еллинека за крайний формализм в понимании права: право, с точки зрения немецкого юриста, есть мир юридических абстракций, совокупность фикций, имеющих отношение не к жизни, а к сфере логики. Но в основании юридических конструкций, спорил с ним Б.А. Кистяков-

¹⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 76, 77.

ский, лежат реальные общественные отношения, которые благодаря мышлению проходят логическую обработку и превращаются в юридические понятия. Первичную основу права, делал вывод русский юрист, надо искать не в юридических фикциях, а в самой жизни¹⁵.

Ту же мысль развивает и Н.А. Гредескул. Юридическая действительность, рассуждает он, разлагается на два вида элементов: объективные (лицо, действие и волеизъявление) и субъективные (субъективное право, обязанность, власть). Объективные элементы – основные, субъективные – производные, вторичные, возникающие как результат преобразования объективных элементов с целью практического удобства. Поскольку догматическая юриспруденция преследует исключительно практические цели, в основу логической обработки права она кладет элементы служебные, вторичные. В результате получается юридическая фикция, выдающая себя за первичную реальность. Проблема понимания юридической догматики, по Гредескулу, здесь искажается, встает с ног на голову. Показательный пример – правоотношение, которое предстает как первичная реальность, на самом деле являющаяся лишь отражением фактических обстоятельств. “Прием отнесения к юридическому отношению изменений, происходящих в предписаниях права, когда изменяются фактические обстоятельства, есть прием искусственный, к которому следует прибегать, или не прибегать, смотря по тому, дает ли он нашему уму желаемой выгоды и желаемое господство над изучаемым материалом или не дает. В частном или гражданском праве к этому приему прибегают, и он здесь сделался настолько привычным, что, с одной стороны, утратилось даже сознание о его искусственном характере, а с другой стороны, в нем стали видеть самую сущность догматического изучения права”¹⁶. Если в гражданском праве, подчеркивает юрист, можно терпеть разрыв между юридической формой и фактическим содержанием, то в других отраслях (например, гражданский и уголовный процесс) данный разрыв недопустим¹⁷.

Система права, продолжает Н.А. Гредескул, носит идеальный, производный характер по отношению даже не к жизни, а к позитивному праву. Система права, созданная в результате догматической обработки, “отнюдь не тождественна с

тем правом, какое непосредственно исходит от законодателя. Система включает в себе, если она хорошо построена, все внутреннее содержание положительного права, но это содержание сплочено здесь в совершенно особые фигуры, приспособленные и удовлетворяющие требованиям ума, требованиям его господства над содержанием права. В том виде, в каком это содержание дано в самом положительном праве, оно обременяет и загромождает ум, плохо поддается его господству, и для того, чтобы подчинить себе это содержание, ум сперва приводит его в расплавленное состояние, чтобы затем путем синтеза вылить из этой расплавленной массы такие творческие фигуры, в которые это содержание все целиком вместились бы и где оно, подчиненное требованиям ума, всегда готово было бы к его услугам”¹⁸. Система права, заключает юрист, складывается не только из позитивного права, но также из практики толкования, восполнения пробелов, формулирования принципов. Таким образом, между юридической догматикой и действительностью стоит позитивное право, что делает догму права еще более далекой от жизни, искусственной, создает искаженное представление о подлинной природе права.

Формально-догматический метод, согласно юристам-социологам, ведет к искаженному пониманию природы не только права, но и государства. Специалист по государственному праву В.В. Ивановский критикует Г. Еллинека за гипертрофию юридического подхода при анализе государства. Наделение государства, рассуждает русский юрист, свойствами юридического лица вызвано исключительно практической потребностью связать государство рамками права, встроить его в существующие правоотношения. “Для представителей юридической школы важно не то, какова природа государства сама по себе; они думают, что в этом смысле ее и определить нельзя; для них важно то, какова должна быть юридическая природа государства, т.е. говоря другими словами, каково должно быть государство, чтобы юридические нормы возможно лучше достигали практической цели – регулирования отношений между людьми. Для этой цели, по их мнению, государство и должно быть юридическим лицом, правоспособным и волеспособным. Таким образом, государство рассматривается и изучается не само по себе, а только как орудие для достижения практических целей, рассматривается притом же не действительное государство, но мнимое, юри-

¹⁵ См.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 320.

¹⁶ Гредескул Н.А. Указ. соч. С. 190.

¹⁷ См.: там же. С. 207, 208.

¹⁸ Там же. С. 191.

дически конструированное”¹⁹. Государство как юридическая конструкция, как юридическое лицо есть “самая безнадежная фикция”, созданная для практических целей и никакого отношения к науке не имеющая. Юридический образ государства, заключает В.В. Ивановский, вуалирует подлинную природу государства, а не приближает к ней: “Ошибка юридической школы заключается, очевидно, в свойствах того метода, при помощи которого она хочет определить природу государства. В область науки вносят совершенно ей чуждый и приложимый лишь в области искусства метод – именно юридический. Юриспруденция – это искусство, при помощи которого стремятся приспособить право к возможно лучшему регулированию человеческих отношений. Раз имеются в виду чисто практические цели, то дозволительны все разумные средства; чтобы обеспечить праву должное внимание и значение в той или другой области отношений, можно прибегать к презумпциям, вымыслам и всякого рода юридическим построениям”²⁰.

Различия по предмету, указывали юристы-социологи, проявляются также в разном понимании категории закона. В природе, развивает данную мысль Н.М. Коркунов, однообразный порядок устанавливается сам собой в силу необходимой закономерности явлений, в человеческом обществе порядок устанавливается искусственно посредством осуществляемых человеческою волей юридических норм. Притом что в человеческом обществе действуют законы, соответствующие природе общества (в известном смысле это – природные законы), юридические законы отличны от законов социальных. Закон как правило поведения есть должностное, закон в научном смысле есть обобщенное выражение действительности. Нормы, установленные человеком, могут быть нарушены, законы природы нарушить невозможно. Человеческие законы, указывая людям пути достижения их целей, причинным образом обуславливают поступки людей, служат причиной явлений. Законы природы не объясняют, почему явления совершаются, они лишь объясняют их механизм. Юридические нормы не выражают того, что есть, а указывают только, что должно быть²¹.

Смешение понятия закона в юридическом и научном смысле, разъясняет С.А. Муромцев, произошло в эпоху европейского рационализма, ко-

гда в праве пытались обнаружить некие высшие принципы, законы жизни. “На историческое развитие человечества, общества и права смотрели как на процесс откровения объективно абсолютного разума – процесс постепенного осуществления высших принципов жизни. Между прочим, развитие права представлялось как постепенное осуществление высших принципов (начал) справедливости. Закономерность исторических явлений усматривалась в необходимости их как результата логически-исторического развития принципов, которые таились в высшем разуме, в высшей справедливости. При таком взгляде закон сливался с принципом; и это смешение царит в юриспруденции по сию пору. Когда говорят о законах развития права, тогда понимают под ними обыкновенно некоторые общие юридические принципы. Но такое отождествление двух названных предметов содержит глубокую ошибку”²².

Закон в юридическом смысле отличается от научного закона еще в одном отношении: он не обладает универсализмом. Догма права, замечает Ю.С. Гамбаров, изучает позитивное право конкретного народа в исторически конкретный период его жизни. Нормы и принципы, выводимые догмой из данного нормативного массива, не могут быть распространены на другие народы или даже другие исторические периоды одного и того же народа. Отсюда следовал вывод: “Право, действующее только в данном месте и в данное время и рассматриваемое вне непрерывно продолжающегося процесса развития, не может быть предметом ни особой дисциплины знания, ни вообще научного рассмотрения”²³. Юриспруденция только тогда станет подлинной наукой, утверждал Ю.С. Гамбаров, когда право будут рассматривать в его историческом развитии, как развивающееся социальное явление и в связи с другими социальными явлениями.

Дискуссия между юристами-социологами и юристами-догматиками о методах научного исследования велась в основном на позитивистской платформе. И те и другие понимали науку в духе О. Конта и Дж. Ст. Милля, отталкивались из классификации наук и теории логики. Вместе с тем обе группы противников, увлеченные стремлением подтвердить свою позицию классиками позитивизма, не просто давали их сочинениям слишком вольное толкование, но и просто их искажали. В этом отношении самую слабую (и самую радикальную) позицию занимал

¹⁹ Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1910. С. 48.

²⁰ Там же.

²¹ См.: там же. С. 71–74.

²² Муромцев С.А. Что такое догма права? М., 1885. С. 24.

²³ Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 176.

С.А. Муромцев, полностью отрицавший за юридической догматикой научный характер. Догматическое исследование права (его принципов, норм, институтов и отраслей), с его точки зрения, включает в себя четыре этапа: описание, обобщение, определение и классификация. В результате нормы права складываются в логически стройную, непротиворечивую систему права. При этом, подчеркивает юрист, догматика права не пользуется методами индукции и дедукции, так как данные методы применяются только при анализе фактов реальности. Поскольку нормы и принципы права отнесены к сфере должного и тесно не связаны с фактами жизни, создание юридических конструкций не имеет прямого отношения ни к индукции, ни к дедукции. Догматика права, убежден С.А. Муромцев, пользуется не индуктивной логикой (речь идет о логике Милля), а диалектикой, под которой он, видимо, понимал схоластическое оперирование понятиями²⁴.

Ближайший к С.А. Муромцеву единомышленник Ю.С. Гамбаров стоит ближе к исходным посылкам позитивизма и полностью не отрицает научный характер юридической догматики. Поскольку последняя, полагает он, оперирует средствами логики, “соединяя связанное и разъединяя различное”, вырабатывая юридические понятия на почве существующих социальных отношений, догматическое правоведение исполняет чисто научные функции. Догма права не только содействует усвоению изучаемого материала, но и облегчает понимание существа как всего права, так и его отдельных институтов. Вместе с тем подлинно научный характер догматика права, по Гамбарову, получит только после использования ею методов истории и социологии права²⁵.

Для Н.Н. Алексеева научный статус юридической догматики также не выглядит в полной мере убедительным. С одной стороны, рассуждает он, юридическая догматика есть опытная наука, строящая свое знание на основе фактов и исключая беспочвенное умозрение и метафизику. Она является опытной наукой потому, что имеет дело с определенным, конкретным материалом — с положительным, действующим или действовавшим правом. Главные методы здесь — описание и классификация (как в ботанике или анатомии). Однако проблема в том, что догма права не дает никакого ручательства в истине: “Подлежащее научному определению понятие является уже определенным в положительном праве, и дело идет о познании этого последнего определения,

независимо от того, истинно оно или ложно”²⁶. Нормы позитивного права могут быть нелепы, бессмысленны, безнравственны, бесполезны, что никак не связано с истинным и ложным. Подобной проблемы нет у естествоиспытателя, который изучает не термины, а подлинную природу явления. Социология в этом отношении, заключает Н.Н. Алексеев, много ближе к подлинной науке, поскольку исследует жизнь, а не установленную законодателем условность.

В отличие от Н.Н. Алексеева, который усматривает слабость догматической юриспруденции в ее недостаточной схожести с естествознанием, Б.А. Кистяковский, напротив, говорит, что полная их аналогия вредит научному статусу догматики. В естествознании и догматике, разъясняет юрист, господствуют методы описания и классификации, ограниченные в своих познавательных возможностях: они перестают действовать там, где объект следует не описать, а объяснить. Метод классификации неприменим в тех случаях, когда возникают вопросы относительно существа явлений. Так, классификация растений и животных не в состоянии дать признак, отличающий мир растений от мира животных. Чтобы такой признак установить, необходимо переходить от формы вопроса к его существу. То же самое наблюдается и в догматической юриспруденции: «Каждый из теоретиков, вырабатывающих подобные классификационные системы, настаивает на том, что его выводам относительно причисления к праву той или иной совокупности явлений присуще объективное и общеобязательное значение. На самом деле, однако, все рубрики и классы, устанавливаемые классификационным методом, т.е. посредством формально-логических обобщений и подразделений, имеют лишь условное и относительное значение. Поэтому и выводы из них не заключают в себе ничего безусловного. Значение их чисто терминологическое: они предписывают в случае принятия тех или иных предпосылок употреблять термин “право” только в соответственном смысле. Так, если мы примем классификацию Г.Ф. Шершеневича, то мы должны применять термин “право” только к тем явлениям, которые признаются правовыми с точки зрения гражданско-правовой и уголовно-правовой догматики. Напротив, если мы примем классификацию Л.И. Петражицкого, то мы должны применять термин “право” ко всей обширной области правовой психики»²⁷.

Признавая ценность формально-догматического метода, Б.А. Кистяковский считает необходи-

²⁴ См.: Муромцев С.А. Указ. соч. С. 12–18, 23.

²⁵ См.: Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 179.

²⁶ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 23.

²⁷ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 225.

мым ограничить его применение в общей теории права, которая, чтобы стать подлинной наукой, должна прежде всего быть нацелена на изучение социальной, государственно-организационной, психической и нормативно-идеологической природы права. Догматическая юриспруденция, делает вывод Б.А. Кистяковский, – наука описательно-классификационная, общая теория права – объяснительно-теоретическая²⁸.

И наконец, юристы-социологи обвиняют юридическую догматику в апологетике власти. Догматическая юриспруденция, заявляет Ю.С. Гамбаров, слепо служит власти, принимая в качестве должного любые ее веления в виде закона и конституции. Кант, полагает он, верно формулировал суть юриспруденции: “Дело юристов не рассуждать о законодательстве, а исполнять приказы действующих законов, и лучшая конституция для них должна быть всегда та, которая законно существует в данный момент”²⁹. Догматика, усиливает эту мысль Н.А. Гредескул, возникла и существует как служанка правосудия³⁰. С юридикологической точки зрения, разъясняет данное положение дел Б.А. Кистяковский, все право представляется произвольным созданием государства. Это происходит от того, что юрист-догматик работает только с реально функционирующим правом, а такое право всегда установлено государством³¹. В силу признания своей производности от государства, своей вторичности, делает вывод Н.Н. Алексеев, юридическая догматика может вести к юридической беспринципности, к крайнему релятивизму³². Зависимость догматической юриспруденции от велений власти ставит под сомнение ее научный характер, ведь истина в подлинной науке (например, в естествознании или социологии), полагали юристы-социологи, не связана решениями государства.

Юристы-догматики: “догматика – наука, а не искусство”

Юристы-догматики не отвергали ни позитивизма как философии, ни социологии как науки. Большинство из них были равнодушны к этим неюридическим направлениям, отдельные юристы ими интересовались без всяких попыток как-то приспособить к отраслевой догматике. Юристы-догматики проявили активность к публичному

обсуждению позитивизма и социологии только тогда, когда юристы-социологи предложили реформировать догматику на основе социологии. Данные стремления были восприняты в качестве угрозы разрушения традиционной догмы права. Юристы-догматики настаивали на строгом разграничении догмы права и социологии, при этом постоянно отмечая ценность последней. Бросается в глаза желание догматиков защитить свою науку с опорой на теоретический арсенал позитивистской социологии, что зачастую выглядело искусственно, механически и неуклюже. Защитники догматической юриспруденции как бы боялись продемонстрировать свою отсталость от “новых веяний в науке”, свое “ретроградство”, стремились показать, что они стоят на уровне современной науки. Иногда создавалось впечатление, что юристы-догматики как бы несколько стеснялись защищать такую архаику, как сформированную веками юридическую догматику, хотя за ней стояла сама жизнь с ее насущными, коренными потребностями.

Социолого-позитивистское направление, заявляет С.В. Пахман, как бы подчеркивая скромность юридической догматики, – преобладающее в современной юридической науке (в действительности было, конечно, наоборот). Суть его состоит в том, чтобы изучать происхождение и развитие права, а также законы юридических явлений. Оно должно развиваться в тесной связи со всеми науками, в той или иной мере затрагивающими социальные явления (социологией, политэкономией, антропологией, психологией, физиологией и т.д.). Эта наука только зарождается, ее элементы не вполне определились. Возможно, полагает Пахман, она примет название социологии или физиологии права, но сам он чаще всего называет ее “бытовой теорией права”, реже – “исторической теорией права”. Новое направление, во главе которого стоит Р. Иеринг, обещает плодотворные результаты, поскольку носит комплексный характер, совмещая исторический и социологический компоненты. Социолого-позитивистская наука сходна с естествознанием, так как не ставит вопрос: каким должно быть право? В частности, философия права как дисциплина, изучающая и отчасти обосновывающая правовой идеал, должна быть подчинена социолого-позитивистской науке права, поскольку последняя стоит на почве фактов³³.

После этих дифирамбов (несколько формальных) следует заявление по существу: характерная

²⁸ См.: там же. С. 254, 257.

²⁹ Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 9.

³⁰ См.: Гредескул Н.А. Современные вопросы права. Харьков, 1906. С. 6.

³¹ См.: Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 322.

³² См.: Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 24.

³³ См.: Пахман С.В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 5–7, 9, 13.

черта новой социолого-позитивистской науки состоит в том, что она предлагает модернизировать, а по сути, упразднить догматическую юриспруденцию (чего никак не предполагал Р. Иеринг). Смещение социологии права и догматики права, убежден Пахман, приведет к путанице понятий, к слову понятийного аппарата. Он отвергает позицию, согласно которой юридическая наука имеет две стадии – подготовительную (юридическая догматика) и зрелую (собственно наука, т.е. социология права). За две стадии, подчеркивает Пахман, принимаются две разные науки, которые возникают со времен римлян и развиваются параллельно³⁴.

Более гибкую аргументацию, посвященную проблеме соотношения социологии права и догматики права, предложил Г.Ф. Шершеневич. Перед юридической наукой (как любой социальной наукой), рассуждает он, стоят три задачи: познать, объяснить и оценить изучаемые явления. Первая цель достигается посредством догмы права, вторая – социологии, третья – политики. Две первые задачи свойственны в равной мере как социальным, так и естественным наукам, третья задача чужда естествознанию. Догматическое исследование права вполне может быть автономным, не требующим подключения других наук, чего не скажешь о социологии: социологическое изучение права не может не опираться на первичные данные, предоставляемые догматикой. Политика права, опираясь на догму и социологию права, призвана вырабатывать научно обоснованный правовой идеал, к которому следует стремиться. Социология права, по Шершеневичу, находясь между догмой и политикой права, как бы стягивает их в единое целое. Социология, опираясь на догму, способствует выяснению сложившегося права и правопорядка, добывает знание о социальных законах, которым подчинено и право. Все это дает в руки законодателя могучее орудие (в лице политики права) для прогрессивного общественного развития³⁵.

Несмотря на то что Шершеневич выступает за единство юридической науки, он резко возражает против слияния догматики и социологии права: задачи их слишком различны. Догма права – полноценная наука со своим предметом, размывание ее социологией недопустимо, поскольку в этом случае догматика перестанет выполнять свои основные функции. Кроме того, Шершеневич считает невозможным существование некоей

социологической юриспруденции как части правоведения. Социологическое изучение правовых явлений возможно только в рамках общей социологии. Социология, изучая социальные институты в их взаимосвязи, не может допустить дробление своего предмета на группы автономных проблем. Выделение права в качестве самостоятельного предмета исключит собственно социологическое его исследование³⁶.

Следующим пунктом, на который юристы-догматики считали необходимым ответить, был предмет юридической науки. Юристы-социологи, напомним, отрицали за догмой права научный характер потому, что предмет ее отличался рукотворностью, искусственностью, был подчинен не объективным законам действительности, а субъективному усмотрению власти. Юристы-догматики пытались доказать обратное: предмет догмы права носит объективный характер, на него распространяются объективные законы, поэтому изучение позитивного права – дело науки, а не искусства.

Здесь наиболее твердую и последовательную позицию занимал Г.Ф. Шершеневич, который считал предметом догматики только юридические нормы, а не правоотношения и, тем более, не общественные отношения и не факты действительности. “Только нормы, – утверждал он, – составляют объект правоведения. Юридические отношения, представляя лишь отражение норм на бытовых отношениях, сами по себе таким объектом служить не могут. В полном своем бытовом составе общественные отношения составляют предмет изучения со стороны различных наук, политической экономии, этики. Юридическая же сторона их, создаваемая действием юридических норм, должна изучаться в своем источнике, т.е. в нормах права”³⁷. Предмет юридической догматики, по Шершеневичу, предопределен самой жизнью, а не чьей-либо субъективной волей. Позитивное право есть факт жизни, сама действительность, поэтому догма права, ставя себе задачей поиск общих принципов и законов построения данного позитивного права, представляет собой подлинную науку. Догматика изучает право объективно, как оно представлено в позитивном праве. В отличие от догмы права, политика права учит, как применять право или как изменить юридический порядок соответственно тому или другому общественному идеалу, что делает ее искусством. Поскольку задача догматики – установление объективных свойств позитивного права,

³⁴ См.: там же. С. 25–34, 50, 51.

³⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898. С. 5–7, 36, 37.

³⁶ См.: там же. С. 35–37.

³⁷ Там же. С. 3.

то догму права, подчеркивает юрист, нельзя причислять даже к прикладным наукам (а не только к искусству): общая часть, например, гражданского права – та же теория права³⁸. В таком утверждении не было ничего удивительного, поскольку Шершеневич видел общую теорию права как объединенные общие части отраслевых наук.

С.В. Пахман и Н.И. Палиенко занимали более уклончивую позицию, стремясь к балансированию между догмой и социологией права. Оба они упирали на то, что догматика изучает не только позитивное право, но также правоотношения и даже сами общественные отношения, требующие правового регулирования. Поскольку каждое юридическое отношение, рассуждает Пахман, имеет в качестве своей основы фактическое отношение, нельзя создавать юридические конструкции, не зная специфики общественных отношений (например, сделки, не зная форм хозяйственного оборота). “Но вся эта фактическая сторона права входит в область юридической науки не как основа для объяснения происхождения и целей права, а лишь как необходимое предположение, как составной элемент юридических отношений. Жизненные отношения в области юридической науки имеют значение не сами по себе, а лишь для анализа права с точки зрения меры, величины. Такой анализ был бы и невозможен без того фактического субстрата, к которому право относится. Вот в чем заключается связь права с фактом”³⁹. Отсюда следует, считает Пахман, что догма права “обуславливается не логическими соображениями, а элементами самого быта. Разные сферы и области этого быта создаются самой жизнью, а не наукой. Этим объясняются и своеобразные комбинации, которые с трудом укладываются в какие-либо логические рамки”⁴⁰.

Развивая тезис о связи нормы права с жизнью, Н.И. Палиенко критикует Г. Еллинека за отнесение норм права исключительно к миру логики и ценностей. С точки зрения русского юриста, норма права, будучи связанной с жизнью, дает возможность познать не только мир должного, но и саму действительность. “При посредстве права (особенно обычного права) можно судить не только о том, как должны были быть регулируемы общественные отношения в такое-то время, но и в известной мере о том, каковы они действительно были. Вот почему и пожелтевшие уже от древности пергаменты с написанными в них старинными законами являются в связи с

другими источниками важным средством к восстановлению картины правовой жизни уже давно сошедших с лица земли народов”⁴¹.

Иными словами, предмет юридической догматики – позитивное право, но наполненное жизнью, а значит, догма права имеет дело не с фикцией, а с реальностью, и поэтому догматика – наука, а не искусство. Очевидно, что в данном споре Пахман и Палиенко (в отличие от Шершеневича) апеллируют не к теоретическому багажу догматики, а к социологии. Они здесь пытаются не столько выявить научный потенциал догмы права, не столько показать ее научную самооценку, сколько подтвердить ее авторитет ссылками на социологию. Складывалось впечатление, что у догматиков не было собственной аргументации, так как им приходилось заимствовать ее в другой науке. Такой подход говорил скорее (косвенно, правда) в пользу социологии права, но не догматики.

К вопросу о предмете юридической науки примыкала тема социальных законов. Юристы-социологи отрицали научный характер догматики потому, что рукотворность, искусственность позитивного права не предполагала действия в нем объективных законов, а значит, открывать было нечего. Социальные законы, утверждали социологи, не зависят от человеческой воли, их нельзя нарушить, позитивное право, напротив, – прямое следствие законодателя и нарушить их можно. Юристы-догматики отвечали на это по-разному: Г.Ф. Шершеневич – основательно и логически четко, С.В. Пахман и А.Х. Гольмстен – несколько двусмысленно, опять-таки опираясь на позитивистскую социологию.

С точки зрения Шершеневича, есть два вида социальных законов: одни устанавливают функциональные взаимосвязи (социальная статика), другие раскрывают последовательность явлений, неизменную сменяемость одних явлений другими (социальная динамика). Юридические нормы – также социальные явления, и на них распространяется действие законов. Социология изучает позитивное право как материал, который позволяет раскрывать общие социальные законы. Открыв их, социология дает объяснения и руководящие начала для отдельных социальных наук, в том числе для юриспруденции. Но, делает важную оговорку Шершеневич, открывать общие социологические законы – дело социологии, а не юриспруденции, у них разные задачи. Научный статус догматики

³⁸ См.: там же. С. 26.

³⁹ Пахман С.В. Указ. соч. С. 53.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Палиенко Н.И. Нормативный характер права и его отличительные признаки. Ярославль, 1902. С. 7.

определяется не поиском социальных законов, а логической формализацией норм позитивного права⁴². Таким образом, научный характер догматики Шершеневич видит в самой ее специфике, т.е. в способности рационально обрабатывать эмпирический нормативный материал.

Особенность позиции С.В. Пахмана и А.Х. Гольмстена заключалась в том, что они пытались смазать различие между социологией и догматикой. Вместо того чтобы создать методологическую основу юридической догматики, выведенной из ее собственной природы, они просто поспешили заявить, что в методологическом отношении социология и догматика – это почти одно и то же, и поэтому обе они – науки. На это сразу указал С.А. Муромцев, едко высмеяв А.Х. Гольмстена за то, что тот назвал историю права динамикой, а догму права – статикой. «Было высказано мнение, что догма права соответствует как раз тому отделу науки, который юристы-позитивисты разумеют под статикой (Гольмстен). В таком мнении кроется глубокое заблуждение, хотя не трудно открыть его источник. Этот последний надо искать в очевидном желании сохранить в целости современный строй юридической науки, не вступая в то же время в открытое столкновение с новыми требованиями; напротив, при такой постановке вопроса в самом позитивизме надеются найти опору для сохранения правоведения в современном его виде. Споры о плане науки придают такой характер, как будто бы он шел о словах. В истории права желают видеть динамику, а в догме – статику. Был прежде юрист-догматик, знал он догму и историю; но вот появляется позитивист и утверждает, что должна существовать динамика и статика права. Юристу-догматику как бы досадно, что его упрекают в недостатке чего-то; и он спешит удовлетворить пришлеца: “вот вам динамика” – и с этими словами он подает историю, “а вот и статика” – и подает догму, – решение простое и спокойное, но, к сожалению, неосновательное. История по-прежнему остается историей, догма – догмой, а динамики и статик нет, как нет»⁴³.

Под законами в социологии и догме права, полагает Пахман, следует понимать одно и то же, а именно – связи, постоянные и однообразные соотношения между явлениями. Разница в одном: в социологии под явлениями понимаются объекты действительности, в догматике – нормы. Особенность догматики как науки состоит в том, что она изучает законы взаимодействия статичной струк-

туры явлений (позитивного права), социология изучает еще и законы их развития. Открыть закон применительно к юридической догматике означает не сформулировать норму права, а установить его логику, логическую связь понятий, логические принципы. «Если наука говорит, что “никто не может передать другому более прав, чем сам имеет”, то это очевидно не повеление и не запрещение; в нем выражается не та мысль, что никто “не смеет” или “не должен” передавать, а та, что это “невозможно”»⁴⁴, т.е. законы (или принципы), выведенные логикой, согласно Пахману, носят такой же объективный характер, коренятся в природе вещей. Их невозможно нарушить, нарушить можно нормы позитивного права, но не принципы, на которых оно строится. Нарушить принципы права можно, например, при квалификации преступления, но это будет логической ошибкой конкретного лица, а не нарушение самого принципа.

“Юридические принципы, т.е. начала юридической науки, – рассуждает Пахман, – никак не могут быть отождествляемы с изучаемыми явлениями, т.е. с началами положительного права: в отличие от последних, они точно так же неизменны, как и исторические законы явлений”⁴⁵. Иначе говоря, он различает юридические принципы, существующие в логике юридической науки, и юридические принципы, живущие в позитивном праве. Данная конструкция призвана доказать нерукотворный характер законов, открываемых юридической догматикой. Однако провести различие между этими двумя группами принципов (законов) Пахману все-таки не удается. Принципы юридической логики берутся не из самой жизни, а из позитивного права, которое, правда, обусловлено жизнью. Между принципами юридической логики и действительностью стоит позитивное право – вещь рукотворная, искусственная. Принципы юридической логики отражают не первичную (сами общественные отношения), а вторичную реальность в лице позитивного права. Поэтому отождествлять законы явлений действительности и законы юридической логики ошибочно.

Пахман настаивает на универсальности принципов (законов) юридической логики. “Из указанного характера начал юридической науки, – разъясняет он, – вытекает само собою, что они применимы к объяснению всякого положительного права и сохраняют свою силу при всех возможных изменениях в последнем”⁴⁶. Юрист счи-

⁴² См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 30–34.

⁴³ Муромцев С.А. Указ. соч. С. 9.

⁴⁴ Пахман С.В. Указ. соч. С. 40.

⁴⁵ Там же. С. 41.

⁴⁶ Там же. С. 40.

тает нелепыми рассуждения, что наук, например, гражданского права столько, сколько национальных законодательств или кодексов. В его понимании наука гражданского права одна, поскольку она основана на неких универсальных принципах юридической логики, что выглядит, конечно, весьма не убедительно. Позитивное право (а за ним и юридическая догматика) есть своего рода слепок конкретных общественных отношений той или иной страны, и в этом смысле юридическая догматика всегда носит временной, национальный характер. Неизменные принципы юридической логики, в существовании которых убежден Пахман, коренятся в догме не абстрактного, а европейского континентального права, выросшего на почве римской правовой культуры. Никакого вне-временного или внепространственного характера они не имеют. Разве можно говорить о тождестве принципов, выводимых, например, из феодального, буржуазного или социалистического права? Интересно, что мог бы сказать Пахман при сравнении европейского континентального права и, например, шариата? Смог бы он вывести из шариата принципы юридической логики, близкие к принципам европейского права? Ответ очевиден: нет, не смог бы.

Поскольку догма права, продолжает Пахман, имеет дело с неизменными принципами юридической логики, т.е. с нечто фундаментальным, нельзя причислять ее исключительно к прикладным наукам. Он категорически отвергает тезис о чисто служебной роли догмы права, о ее подчиненности судебной практике. Во-первых, любая наука, отвечает Пахман на возражения, прямо или косвенно может иметь практическое значение (в этом ценность любой науки). Во-вторых, значение юридической догматики не замыкается интересами одной судебной практики: она формирует предпосылки для изучения права как логически стройной системы. И наконец, в-третьих, юридическая догматика позволяет различать понятия юридические и неюридические, что создает основу для научного познания права (со стороны истории права, философии права или социологии права)⁴⁷.

Если во взглядах на предмет догмы права юристы-догматики не отличались единством, то по части методов познания было почти полное согласие. Как уже отмечалось, и юристы-социологи, и юристы-догматики понимали специфику научного познания в позитивистском духе, что предполагало точки соприкосновения между

ними. С.В. Пахман, А.Х. Гольмстен, Г.Ф. Шершеневич утверждали, что методы исследования социологии права и догматики права одинаковые: описание, обобщение и систематизация (как в естествознании), а также анализ и синтез. Большинство юристов-социологов считали примерно так же. Характерным только для догмы было формулирование юридической дефиниции. Шершеневич также уточнял, что между догмой права и простым комментированием есть принципиальное отличие: первая выводит принципы из норм позитивного права, второе связано системой, вытекающей из данных принципов, поэтому догматика – наука, а комментарии – просто подсобный, справочный материал⁴⁸.

И наконец, последний пункт разногласий между социологами и догматиками – отношение к государственной власти. Юристы-социологи упрекали своих оппонентов за зависимость догмы права от государства, за якобы беспринципность и соглашательство с властью, что лишало догматику, по их мнению, объективности и, следовательно, научности.

Действительно, формально-догматический метод, решавший задачу разграничения юридического и неюридического, считал одним из признаков права связь с государством. Правом можно считать только то, утверждала догматика, что установлено государственной властью и ей гарантируется. Однако вряд ли стремление дать формальные признаки права следует толковать как конформизм и апологетику власти. С.В. Пахман совершенно прав, утверждая, что догматика только ставит перед собой чисто научную цель – выявить объективные свойства права. Одно из таких свойств – связь позитивного права с государством. Догматика, бесстрастно констатируя данную связь, выполняет функцию подлинной науки. Она описывает и объясняет то право, которое фактически существует, т.е. поступает так же, как и социология права: описывает и объясняет. По этой причине юридическая догма, как правило, не содержит никаких общественных идей (говоря современным языком, внеидеологична). Юридической догматике нет дела до возможного изменения позитивного права, она сама по себе ни консервативна, ни либеральна, она объективна⁴⁹. “Если существование и смысл нормы установлены, – уточняет данную мысль Г.Ф. Шершеневич, – то от догматика не требуется еще доказывание верности положений, содержащихся в норме. Для догматика их верность заклю-

⁴⁷ См.: там же. С. 62–64.

⁴⁸ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 10–12.

⁴⁹ См.: Пахман С.В. Указ. соч. С. 41, 49.

чается в их юридической силе. Для него они играют роль аксиом, не подлежащих доказыванию, но достаточных для правильности выводов, на них основываемых”⁵⁰. Связь с государством, таким образом, есть одновременно и факт действительности, и аксиома логики юриста-догматика.

Конечно, власть может обязать юристов готовить, условно говоря, кодексы, где будут отражены политические цели и ценности режима.

⁵⁰ *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 10.

XX век изобилует примерами, когда буржуазные юристы были призваны готовить социалистическое законодательство. С точки зрения мировоззренческой, моральной здесь вполне мог быть тяжелый нравственный выбор, но в плане профессиональном все было чисто и ясно: пришла новая власть, установила новый правовой порядок, юристы-догматики его зафиксировали, определили его принципы и заложили их в новые нормы. Юридическая догматика и в этой исторической ситуации была бесстрастной, т.е. вполне научной.